

ЭВАКУАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ СССР В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД В 1920–30-е гг.

Сугако Леонид Александрович

доцент кафедры всеобщей истории Могилёвского
государственного университета имени А. А. Кулешова,
кандидат исторических наук (г. Могилев, Беларусь)

Констатируется факт разработки в СССР в 1926–1937 гг. эвакуационных планов, а также её прекращения в предшествующие Великой Отечественной войне годы. Выясняются причины столь резкого поворота в советской мобилизационной политике.

Уже в самом начале Великой Отечественной войны сложившаяся на фронтах тяжелейшая обстановка вынудила советское руководство начать эвакуационные мероприятия. Их осуществление в этот период тормозилось нередкими случаями растерянности местных властей, пассивным ожиданием ими директив сверху, противоречивыми распоряжениями [1, с. 62]. Это свидетельствует о неподготовленности к данному роду деятельности и об отсутствии соответствующих планов. О том же говорит и неоднократно встречавшаяся переадресация эвакуированных объектов ещё во время подготовки к отправке к месту первоначального назначения, на пути к нему, либо уже по прибытии на место. Изменение пункта размещения вызывалось не угрозой его захвата противником, а иными причинами. Например, если речь идёт о промышленном предприятии, дефицитом необходимых для его работы энергетических мощностей, производственных площадей или скудостью сырьевой базы. Или же тот или иной город чрезмерно «нагружался» эвакуированными заводами и фабриками (Уфа, Куйбышев, Тамбов, Пенза, Новосибирск и др.) [2, л. 16, 18–20]. Нами установлено, что летом 1941 г. из 128 эвакуированных промышленных предприятий БССР переадресацию, полную либо частичную, пережили, как минимум, 18 [3, с. 35]. Переадресация промышленных предприятий вряд ли указывает на наличие продуманного плана перемещения производительных сил. Подобное случилось и с эвакуированными предприятиями других союзных республик [4, л. 69, 74, 79; 5, л. 87, 96, 100].

Есть основания считать, что СССР вступил в войну, не имея официально разработанных и утверждённых эвакуационных планов, в которых бы учитывались реалии последних предвоенных лет. Именно последних, после 1937 г., поскольку в предшествующие годы эвакуационные планы в Советском Союзе составлялись [6]. Их наличие логично отражало существовавшее в тот период представление советского военно-политического руководства о характере будущих боевых действий против вероятного противника на западе – коалиции буржуазных государств Европы. На начальном этапе войны допускалась – по причине медленных темпов мобилизации и стратегического развёртывания Красной Армии, общего превосходства врага – возможность захвата приграничных советских территорий. Поэтому была необходима заблаговременная подготовка к эвакуации, так же, как и к развёртыванию партизанской и подпольной борьбы в районах, находившихся под угрозой оккупации [6; 7, с. 73]. В них вводились ограничения на развитие промышленности. Первый советский эвакуационный план был утверждён в 1926 г. Одновременно было принято решение о его периодической корректировке, исполнявшееся до 1937 г. Эвакуационное планирование основывалось на соответствующей нормативной базе, включавшей наставления, положения, инструкции. Приграничные территории, вначале на западе, а затем и в других регионах СССР, делились на угрожаемые зоны и сектора. Для них определялись масштабы эвакуации людей и грузов, рассчитывалось необходимое количество вагонов и платформ для перевозок в намеченные тыловые районы. Ставились задачи наркоматам и ведомствам по обеспечению вывоза, в том числе и по его финансированию. Приоритетным направлением эвакуации считалось перебазирование населения и промышленных предприятий. Эвакуационные мероприятия должны были начинаться по особому распоряжению Реввоенсовета СССР, в зависимости от оперативной обстановки [6].

После 1937 г., по сведениям Г.А. Куманёва, некоторая работа по разработке эвакуационных планов проводилась Военно-промышленной комиссией при СНК СССР в 1939–1940 гг. и в начале 1941 г.

Но, не получив официального одобрения, далее составления черновых вариантов дело не пошло [8, с. 9]. 21 апреля 1941 г. Совнарком СССР вынес постановление «О мероприятиях по улучшению местной противовоздушной обороны г. Москвы», в соответствии с которым была создана специальная комиссия по эвакуации из Москвы населения в военное время. Учитывая, что столица страны оказалась в сфере досягаемости дальних бомбардировщиков, комиссия предложила с началом войны вывезти из города 1 млн 40 тыс. москвичей. Но 5 июня 1941 г. И.В. Сталин «попросил» комиссию ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить [8, с. 9].

Таким образом, на рубеже 1930–40-х гг. проблема эвакуации утратила в глазах руководства СССР былую актуальность. Полагаем, это связано с изменениями в советской военной доктрине, вызванными резким ростом мощи Красной Армии в результате индустриализации страны. В среде высшего командного состава стала утверждаться установка на перенос боевых действий на территорию противника уже в начале войны [9, с. 206; 10, с. 78]. По мнению российского исследователя М.И. Мельтюхова, «наступательные операции Красной Армии и должны были стать содержанием начального периода войны» и «никаких оборонительных операций советский Генштаб и не планировал» [11, с. 303]. И.В. Тимохович отмечает, что соединения и части Западного Особого военного округа накануне войны «не были готовы к ведению жёсткой позиционной обороны. По своему расположению, оперативному построению они в большей степени были нацелены на ведение наступления, нежели обороны» [7, с. 16]. В соответствующем духе велась и пропагандистская работа среди советских военнослужащих. М.И. Мельтюхов цитирует главный орган Наркомата обороны газету «Красная звезда» от 17 ноября 1938 г.: «Наша оборона – это наступление. Красная Армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны» [11, с. 341]. В такой ситуации маловероятно, чтобы разработка нового эвакуационного плана была признана необходимостью. Недаром советский историк Ш.М. Мунчаев охарактеризовал возникшую в начале войны проблему эвакуации как «сложнейшую непредвиденную задачу» [12, с. 133]. Показательно также, что в приграничных советских республиках была свёрнута подготовка кадров и баз для партизанской войны [7, с. 74]. Утверждённый же в 1937 г. эвакуационный план к лету 1941 г. уже не соответствовал реалиям. Во-первых, в состав СССР вошли новые значительные территории на западе – Литва, Латвия, Эстония, Западная Беларусь и Западная Украина, Бессарабия. Во-вторых, развивалось народное хозяйство, следовательно, росло количество потенциальных объектов эвакуации. К слову, имевшиеся ранее ограничения на развитие индустрии в приграничных регионах были сняты. Перед войной в Минске, в 300 км от границы, строился важнейший объект оборонной промышленности – авиазавод № 453, предназначавшийся для выпуска 3 тыс. штурмовиков Ил-2 ежегодно [13, с. 15; 14, с. 345; 15, с. 98]. Даже в самом западном областном центре БССР, приграничном Белостоке, в 1940–1941 гг. развернулось масштабное промышленное строительство. С весны 1940 г. здесь велось сооружение крупной хлопчатобумажной фабрики, мощность только первой очереди которой должна была составить 6000 веретён [16, л. 2, 7]. А в декабре того же года ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили создать в Белостоке станкостроительный завод союзного значения, на строительство и оснащение первой очереди которого в 1941 г. отпускалось 2,5 млн руб. [17, л. 1–3]. Снятие ограничений на индустриальное развитие западных приграничных регионов подтверждает предположение о том, что разработка для них эвакуационных планов уже не представлялась советскому руководству необходимой. Вместе с тем накопленный в 1926–1937 гг. опыт эвакуационного планирования оказался востребованным и полезным при осуществлении соответствующих мероприятий в начальный период Великой Отечественной войны.

Список использованной литературы

1. Олехнович, Г.И. Трудящиеся Белоруссии – фронту / Г.И. Олехнович. – Минск : Изд-во БГУ, 1972. – 208 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 218.
3. Сугако, Л.А. К вопросу о формировании советской эвакуационной программы в 1941 году / Л.А. Сугако // 1941 год в истории Белару-

- си: к 70-летию начала Великой Отечественной войны : сб. статей Респ. воен.-ист. конф., Минск, 1 июня 2011 г. / Воен. акад. Респ. Беларусь ; редкол.: А.А. Киселёв [и др.]. – Минск, 2012. – С. 33–39.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Фонд р-6822. – Оп. 1. – Д. 187.
5. ГАРФ. – Фонд р-6822. – Оп. 1. – Д. 190.
6. Мелия, А.А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР / А.А. Мелия // Военная литература. Исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://militera.lib.ru/research/melia_aa/index.html – Дата доступа : 4.09.2019.
7. Тимохович, И.В. Битва за Белоруссию: 1941–1944 / И.В. Тимохович. – Минск : Беларусь, 1994. – 254 с.
8. Куманёв, Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы / Г.А. Куманёв // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27.
9. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя [и др.] ; под ред. А.А. Ковалени. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
10. Пономаренко, П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944 / П.К. Пономаренко. – М. : Наука, 1986. – 438 с.
11. Мельтюхов, М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения) / М.И. Мельтюхов. – 2-е изд. – М. : Вече, 2002. – 544 с.
12. Мунчаев, Ш.М. Эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны / Ш.М. Мунчаев // История СССР. – 1975. – № 3. – С. 133–141.
13. Воронкова, И.Ю. Двадцать второго июня, ровно в четыре часа... Минск и минчане в первые дни Великой Отечественной войны / И.Ю. Воронкова. – Минск : Беларуская навука, 2011. – 265 с.
14. Паваліхіна, В.С. Мінск / В.С. Паваліхіна // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыкл. / гал. рэд. І.П. Шамякін. – Мінск, 1990. – С. 344–346.
15. Шапиро, В.Л. Завод, который умеет делать всё / В.Л. Шапиро. – Минск : ИнтерДайджест, 1997. – 384 с.
16. Государственный архив общественных объединений Гродненской области (далее – ГАООГРО). – Фонд 6195. – Оп. 1. – Д. 536.
17. ГАООГРО. – Фонд 6195. – Оп. 1. – Д. 567.